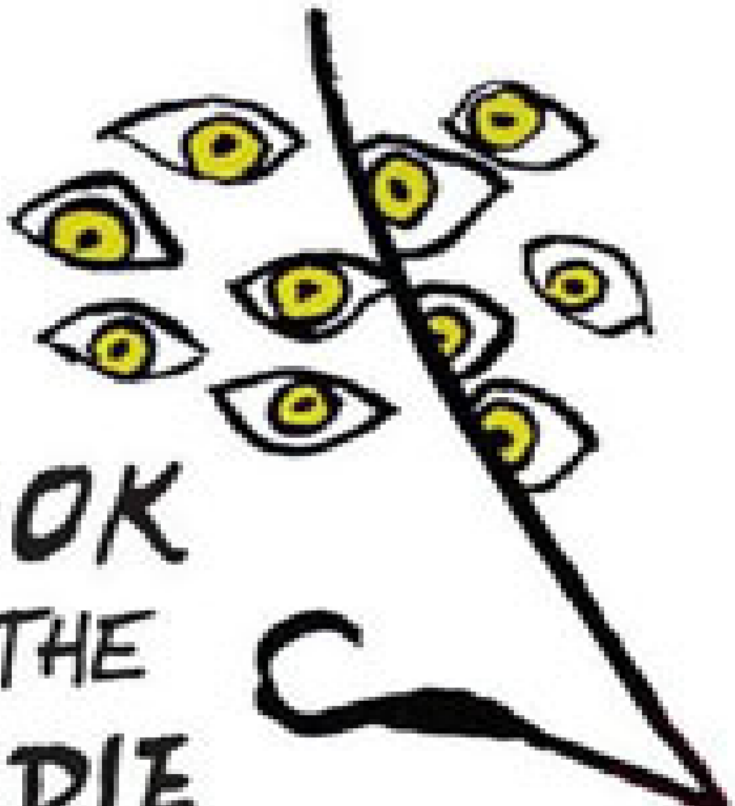
KURT

VONNEGUT



LOOK AT THE BIRDIE

UNPUBLISHED SHORT FICTION

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказ опубликован в 2009 году в сборнике рассказов Курта Воннегута "Look at the Birdie: Unpublished Short Fiction".

- Курт Воннегут
  - ◯
- note
  - ◯ 1
  - ◯ 2
  - ◯ 3

Курт Воннегут
Песня для Сельмы

Вне стен средней школы Линкольна имя Ала Шредера было слабо известно. Он был просто Шредером. Даже не просто -- его фамилия произносилась с сильным акцентом, как если бы он был знаменитым уже умершим европейцем. Но он им не был. Он был американцем, как кукурузные хлопья, и далек от смерти -- ему было шестнадцать.

Его фамилию с таким акцентом первой произнесла Хельга Грош, учитель немецкого в школе Линкольна. Другие преподаватели, услышав это, тотчас подхватили начинание. Учителя выделяли Шредера из числа остальных учеников и повторяли, что несут за него большую ответственность.

Для блага Шредера, от него и от остальных учеников держали в тайне, откуда взялась эта ответственность. Он был первым настоящим гением за всю историю школы.

Результаты IQ-теста Шредера и остальных учеников были большим секретом и лежали среди секретных документов директора школы.

То, что Шредер может стать таким же великим, как автор марша "Звезды и полосы навсегда" Джон Филипп Сосуа, первым понял заведующий музыкальной кафедрой и руководитель маршевого оркестра Линкольна Джордж Хельмхольц.

Шредер в первом классе средней школы научился играть на кларнете за три месяца так, что занял в оркестре первое место. К концу второго класса он виртуозно играл на всех инструментах оркестра. В данный момент он был в третьем и сочинил приблизительно сто маршей.

Сейчас в качестве упражнения для сольфеджио у начинающих музыкантов -- оркестра С -- Хельмхольц выбрал ранее произведение Шредера "Привет Млечному Пути". Хельмхольц рассчитывал этим восторженным куском с простой виолончелью втянуть новичков в музыку. Звезды Млечного пути, говорил сам Шредер, находятся в десяти тысячах световых лет от Земли. И, если вы хотите отослать им музыкальный привет, то надо играть громко и четко.

Оркестр мычал, визжал, завывал и вопил, пытаясь достичь далекой звезды. Музыканты умолкали один за одним до тех пор пока, как это часто случалось, не остался один барабанщик.

Бум, бум, бум, стучала бочка. Бил по ней Большой Флойд Хайрс, самый большой, самый приятный и самый тупой парень в школе. К тому же, он был самым богатым. Ему в наследство должна была достаться отцовская химчистка.

Бум, бум, бум стучала бочка Большого Флойда.

-- Спасибо за терпение, Флойд, -- остановил его Хелмьхольц. -- Многие могли бы последовать твоему примеру. Сейчас мы пройдем все с начала, и я прошу каждого закончить, не важно уже как.

Когда Хельмхольц поднял свою палочку, в зал вошел школьный гений -- Шредер. Хельмхольц кивнул в знак приветствия.

-- Давайте, парни. Тут автор этого произведения. Не разочаруйте его, -- попросил учитель.

Оркестр опять попробовал передать привет Млечному пути и опять провалился.

Бум, бум, бум в полном одиночестве бухала бочка Флойда.

Хельмхольц извинился перед композитором, который сидел у стены на раскладном стуле.

-- Извините, мы всего второй раз пробуем. Они сегодня это произведение первый раз в глаза увидели, -- сказал он.

-- Я понял, -- сказал он.

Шредер был маленького роста, всего 1,6 метра, хорошо сложенный, но худой. У него был великолепный лоб, высокий и обычно нахмуренный. Элдред Крейн, учитель английского, называл этот лоб "белыми скалами Дувра". Неустанное сверкание шредеровских мыслей придавало ем тревожный вид, который лучше всех характеризовала Хал Бордо, учитель химии.

-- Шредер, - сказала она однажды, -- похож на человека, посасывающего очень кислый лимонный леденец. А когда леденец заканчивается, он готов всех убить.

Фраза про убийство была, конечно, всего лишь метафорой. Он никогда не был хоть сколько-нибудь импульсивным.

-- Возможно вы хотите объяснить мальчикам, что вы хотели сказать этим произведением? -- спросил Хельморц у Шредера.

-- Нет, -- ответил Шредер.

-- Нет? -- переспросил Хельмхольц с удивлением. Отрицание не было похоже на Шредера. Обычно, лучше него никто не мог зажечь оркестр.

-- Я не хочу, чтоб они пробовали еще раз.

-- Я ничего не понимаю.

-- Я не хочу, чтоб кто-либо еще играл мою музыку, -- Шредер встал и устало оглянулся. -- Я хочу забрать ноты, если вы не возражаете.

-- Зачем?

-- Чтоб сжечь. Это мусор. Полный мусор, -- он слабо улыбнулся. -- Я покончил с музыкой, мистер Хельмхольц.

-- Покончил? -- вскричал уитель, хватаясь за сердце. -- Этого не может быть!

-- Я не знаю, что будет дальше, -- пожал он плечами. -- Я знаю, что происходит сейчас. Все, чего я хочу, чтобы вы меня больше не беспокоили просьбами сыграть мои идиотские, пошлые и бессмысленные произведения.

Он попрощался с Хельмхольцем и вышел.

В оставшееся время Хельмхоль не замечал оркестр. Он думал только о шокирующем и необъяснимом решении Шредера бросить музыку.

После занятий Хельхольц зашел в учительскую столовую. Был обеденный перерыв. К нему подсел гениальный барабанщик Большой Флойд Хайрс.

Он пришел не случайно. Ему было, что сказать учителю. Это желание редко его посещало, и он чувствовал себя как локомотив, сбрасывающий пар.

И он начал хрипеть.

-- Мистер, Хельмхоль, -- прохрипел он.

-- Да? -- ответил Хельмхольц.

- Я...я, я хочу чтоб вы знали, мне кажется, мне надо покончить с бездельем.

-- Превосходно!

Хельмхольц был готов на все, ради людей, которые стараются. Даже в случае Большого Флойда, когда старайся-не старайся -- результат один.

Теперь он ошарашил Хельмхольца, вручив ему песню, которую он сам сочинил.

-- Я хочу, чтоб вы на нее посмотрели, -- попросил он.

Для него такая музыка была так же трудна, как для Бетховена Пятая симфония, подумал учитель.

У нее было название: "Песня для Сельмы", и слова:

"Я порвал цепи, которые меня связывали
Я перестал быть клоуном
Это было мило с твоей стороны напомнить мне
Что, если я посмотрю, то я найду себя
О, Сельма, Сельма, спасибо тебе
Я никогда не скажу: "прощай"

Пока Хельмхольц смотрел слова и музыку, автор песни ушел.

В полдень в учительской столовой разгорелись жаркий спор. Учитель химии Хал Бордо сформулировала тему: "Компенсирует ли новость о том, что Большой Флойд собрался стать музыкальным гением, новость о том, что Шредер решил бросить музыку?"

Уколоть Хельхольца было главной целью спора. Пока эта проблема была исключительно трудностью самой группы, и группу перестали рассматривать всерьез, развлекались все, кроме Хельмхольца. Учителя еще не знали, что Шредер вообще больше не собирался учится.

-- Мне кажется, -- сказала Бордо, -- что, если отсталый ученик решает взяться за музыку группы, а гений отказывается от нее в пользу химии, то не один из них поумнел, а второй поглупел, а оба поумнели.

-- Да, ответил Хельхольц тихо. -- Способный мальчик может подарить нам новый отравляющий газ, но глухой не может подарить нам новую мелодию.

Учитель физики Эрнест Гропер присоединился к спору. Это был крепкий, прагматичный, похожий на бомбу мужчина, который с сентиментальностью вспоминал войну. Когда он поставив свои тарелки с подноса на стол, создалось впечатление, что он с удовольствием подчиняется законам механики, потому что считает их превосходными, а не от того, что не может их преодолеть.

-- Вы слышали новость про Большого Флойда Хайрса? -- спросила его Бордо.

-- Великого ядерного физика? -- переспросил Гропер.

-- Великого, кого?

-- Большой Флойд сказал мне утром, что он собирается им стать. Сказал, что ему надоело бездельничать, и он хочет стать ядерным физистом. Я понял, что имеет в виду ядерного физика, но может он говорил про ветеринара? - Он взял в руки лист с "Песней для Сельмы". -- Что это?

-- Большой Флойд написал, -- ответил Хельмхофер.

-- Вот чем он занят все эти дни! -- Гроппер поднял брови. -- Сельма? Какая Сельма? Сельма Риттер? -- он засунул салфетку под воротник.

-- Мы знаем только Сельму Риттер, -- сказал Хельмхофер.

-- Должно быть это она. Большой Флойд сидит с ней за одной партой на физике. Какая безумная, перемешанная парта. Шредер, Большой Флойд и Сельма Риттер.

-- Они сидят втроем? -- спросил Хельмхофер задумчиво.

-- Я думал Шредер поможет утихомирить Большого Флойда и Сельму, -- Гроппер задумался. -- И ему удалось, не так ли? -- он вопросительно посмотрел на Хельмхорца. -- Джордж, ты случайно не знаешь какой у Большого Флойда IQ?

-- Я даже не хочу знать. Я не верю в IQ.

-- В офисе директора есть секретная папка. Если тебе охота сильных ощущений, посмотри там его IQ.

-- Кто такая Сельма Риттер? -- спросила Хал Бордо и посмотрела сквозь стекло, разделяющее столовые учителей и учеников.

-- Кроха, -- ответил Гроппер.

-- Совсем кроха, -- подтвердил учитель английского Элдред Крейн, -- робкая и не слишком популярная.

-- Сейчас с Большим Флойдом она несомненно популярна, -- возразил Гроппер. -- Судя по всему у них большая любовь. Я должен отсадить их от Шредера. Не знаю как, но они его сильно расстраивают.

-- Я нигде ее не вижу, -- сказал Хельмхольтц, оглядывая студенческую столовую. Он увидел Шредера, сидящего в одиночестве. Маленький парень выглядело подавленым и смирившимся. Большой Флойд тоже сидел один, большой, несуразный. Он явно о чем-то мучительно думал. Он вертелся, хмурился и мысленно гнул стальные прутья.

-- Сельмы там нет, -- сказал Хельмхольтц.

-- Я вспомнила, она не обедает во время перерыва. Она ест после следующего урока, -- сказал Элдред Крейн.

-- Что же она делает во время обеда? -- спросил Хельхольц.

-- Она сидит за коммутатором в офисе директора, пока все обедают.

Хольхольц извинился и пошел в офис директора поговорить с Сельмой Риттер. Офис директора состоял из вестибюля, переговорной, двух кабинетов и архива.

Когда Хельмхольтц вошел в вестибюль, он увидел, что там никого нет. Коммутатор был брошен. Кнопки тщетно пищали и мигали.

Затем Хельмхольтц услышал шебуршание в архиве. Он тихонько подкрался к двери и заглянул. Сельма Риттер стояла на коленях перед открытыми ящиками и что-тот переписывала себе в

блокнот.

Хельмхольтц не удивился. Ему даже не пришло в голову, что Сельма копается в секретных бумагах - он не верил в секреты. Он не предполагал, что в средней школе Линкольна могуг быть какие-нибудь тайны.

У Сельмы был несколько иной взгляд на секреты. У нее в руках были бумаги, в которых, среди прочего, был указан IQ каждого ученика. Когда Хельмхольтцер поймал ее с поличным, Сельма буквально потеряла равновесие и упала.

Пока Хельмхольтцер помогал ей подняться, он мельком увидел бумагу, которую переписывала Сельма. На бумаге были написаны непонятные цифры, разбросанные в беспорядке.

Хельмхольтцу эти цифры ничего не говорили, потому что он никогда не пользовался бумагами. А там были не только данные IQ, но и индексы коммуникабельности, способности, вес, лидерский потенциал, рост, предпочтительные профессии и пригодность по шести видам человеческой деятельности. Тестовая программа в этой школе была продумана тщательно.

Она была еще и известной. У будущих кандидатов наук это было любимое место сбора информации, с тех пор как ее ввели двадцать пять лет назад.

Для расшифровки нужна была специальная карточка с отверстиями, которая хранилась у директора в сейфе. Если ее приложить на бумагу с данными ученика можно было понять, что значит каждая цифра.

Но Хельмхольтц без специальной карточки понял чью бумагу достала Сельма. Имя было напечатано большими буквами сверху.

Джордж Хельмхольтцер прочел имя.

Там было написано Джордж Хельмхольтцер.

-- Что это? -- пробормотал он, отбирая карточку. -- Что это здесь делает?

-- О, мистер Хельмхольтцер, -- расплакалась Сельма. -- Я не хотела ничего плохого. Пожалуйста, никому не рассказывайте. Я больше не буду. Пожалуйста, только не рассказывайте.

-- Что тут сказано? -- спросил Хельмхольтцер спокойно.

-- Я смотрела ваш IQ. Я признаю это. Вы поймали меня. И я думаю, что меня могут за это выгнать из школы. Но у меня была причина, мистер Хельмхольтцер, важная причина.

-- Я не знаю своего IQ, Сельма. Может хоть ты мне его скажешь?

-- Вы не выдадите меня? -- Сельма начала успокаиваться.

-- В чем твое преступление? Если мой IQ настолько интересен, я нарисую его на двери своего кабинета.

-- Вы не знаете свой IQ? -- глаза Сельмы высыхали.

-- Нет, -- робко ответил Хельмхольтцер. -- Очень средний, насколько я понимаю.

- Вот ваш IQ, -- Сельма показала на цифру в карточке. Она отошла на шаг назад, как будто ждала, что Хельмхольтцер упадет от удивления.

Хельмхольтцер посмотрел на цифру. Цифра была 183.

-- Но я ничего не знаю об IQ. Это много или мало? -- спросил он. Хельмхольтцер пытался вспомнить, когда он последний раз проходил тест на IQ. Последний, как ему показалось, он сдавал, когда учился в средней школе Линкольна.

-- Это очень, очень, очень много, мистер Хельмхольтцер, -- ответила Сельма серьезно. -- Мистер Хельмхольтцер, вы знали, что вы гений?

-- Что же это все-таки за карточка? -- спросил Хельмхольтцер.

-- Она лежит еще с тех времен, когды вы здесь учились.

Хельмхольтцер нахмурился. Он вспомнил спокойного маленького упитанного мальчика, каким он был. И его обидело, что этот мальчик превратился в набор цифр.

-- Честное слово, Сельма, я не был гением тогда. Да и сейчас тоже не гений. Почему ты смотрела именно мою карточку?

-- Вы учитель Большого Флойда, -- при упоминании о нем она выросла на дюйм. -- Я знала, что вы ходили в эту школу, вот я и нашла вас, чтобы понять достаточно ли вы умный, чтобы понять насколько на самом деле умен Большой Флойд.

-- И насколько же по твоему умен Большой Флойд? -- спросил Хельмхольтцер недоумевая.

-- Поищите его карточку, если хотите, -- посоветовала самодовольно она. -- Я думаю никому не пришло в голову посмотреть, кроме меня.

-- И что ты нашла?

-- Я обнаружила, что Алвин Шредер большой обманщик, если мог так долго корчить из себя умного. На самом деле он дурак. И я обнаружила, что Большой Флойд совсем дурак. Да, он огромный лентяй, но он гений, как и вы.

-- Хм, а им ты об этом сказала?

Сельма заколебалась. Но, решив, что отступать уже некуда, кивнула головой.

-- Да, сказала. Для их же блага.

С трех до четырех Хельмхольтц занимался внешкольной деятельностью -- хоровым кружком линкольновской школы

"Лесорубы". На этот раз шестьдесят голосов Лесорубов дополняли фортепьяно, три трубы, два тромбона, туба и яркий, мелодичный перезвон металлофона.

Всех музыкантов Хельмхольтц набрал за время обеда. Он был чрезвычайно занят в своем офисе -- разрабатывал планы и посылал курьеров, как командир батальона под огнем.

Когда часы на стене репетиционного зала показали без одной минуты четыре, Хельмхольтц замер на удивительно прекрасном финальном аккорде песни, которую репетировал разросшийся хор.

Хельмхольтцер и хор выглядели ошарашено.

Они нашли потерянный аккорд.

Не было ничего прекрасней.

Долгий голос металлофона затих последним. Его высокая нота повторялась в бесконечности, было похоже, что ее сможет услышать все, кто захотят.

-- Так, именно так. Леди и джентльмены, большое спасибо, -- прошептал Хельмхольтцер восхищенно.

Прозвенел звонок. Было четыре часа.

Точно в четыре по знаку Хельмхольтца Шредер, Сельма и Большой Флойд вошли в репетиционный зал. Учитель спустился с подиума, позвал их в кабинет и закрыл дверь.

-- Я надеюсь, вы знаете, зачем я вас позвал.

-- Я не знаю, -- ответил Шредер.

-- Затем, что обсудить твой IQ, -- ответил Хельмхольтцер и рассказал ему о находке Сельмы.

Шредер вяло пожал плечами.

-- Если кто-нибудь из вас троих проговорится, я и Сельма попадем в ужасную беду. Я не нажаловался и стал соучастником преступления.

Сельма побледнела.

-- Сельма, почему ты считаешь, что эти цифры были именно IQ? -- спросил Хельмхольтцер.

-- Я читала про IQ в библиотеке. Потом нашла в своей карточке цифры, похожую на IQ.

-- Занятно, но ты скромная девочка. Это был твой вес, а не IQ. Ты всего лишь обнаружила, кто из нас тяжелее. В юности я действительно был толстым. Большой Флойд и я так же далеки от гениальности, как и Шредер от идиотизма.

-- Ох, -- вздохнула Сельма.

Большой Флойд ахнул как гудок паровоза.

-- Я говорил тебе, что я был молчаливым. Отнюдь не гениальным. Вот гений, -- он беспомщно показал на Шредера. -- Он один из тех, кто все понимает. У него мозги, которые могут

вознестись к звездам. Я говорил тебе об этом!

Большой Флойд потер ладонями виски, чтобы заставить голову лучше работать.

-- Я понял, каким глупцом был, поверив на минуту, что у меня есть какие-нибудь способности.

-- Есть только один тест, заслуживающий внимания, -- сказал Хельмхольтц, -- это проверка жизнью. Вот где вы наберете очки, которые будут считать. Это верно для Шредера, для Сельмы, для тебя, Большой Флойд, для меня, для всех.

-- Вы можете сказать, кто из нас достигнет высот, -- сказал Большой Флойд.

-- Ты можешь? Я не могу. Жизнь для меня сплошной сюрприз, -- ответил Хельмхольтц.

-- Подумайте о сюрпризах, которые ждут такого парня как я и подумайте о сюрпризах, которые ждут такого как Шредер, -- сказал Большой Флойд.

-- Подумайте о сюрпризах, которе ждут нас всех! У меня даже голова кружится! -- Хельмхольтц открыл дверь, показывая, что беседа окончена.

Сельма, Большой Флойд и Шредер вышли в репетиционный зал. Разговор не клеился. Речь Хельмхольтца не воодушевила их. Наоборот, разговор, как и все душеспасительные беседы в средней школе, расстроил.

В подтверждение этому, когда Сельма, Большой Флойд и Шредер прошли мимо хора, его участники встали.

По сигналу Хельмхольтца зазвучали фанфары.

Сельма, Большой Флойд и Шредер остановились и стали внимательно наблюдать.

Музыканты продолжали затейливо играть. К духовым присоединилось фортепьяно и металлофон. Все триумфально звенело и громыхало, как будто церковные колокола возвещали о великой победе.

Потом воображаемые колокола и фанфары неохотно замолкли.

Шестьдесят голосов хора начали тихонько запевать.

Затем они начали подниматься наверх. Достигли пика, и казалось, что они хотят остановиться на этом.

Но трубы, фортепьяно и металлофон начали дразнить их, чтобы они опять полезли вверх, чтобы они преодолели все преграды, чтобы они достигли звезд.

Голоса поднимались выше и выше к невообразимым высотам. И, по мере возвышения, они начали верить, что, достигнув высот, представлявшихся им наивысшими, для них это был уже пройденный этап. Они поняли, что невозможное возможно.

Выше было некуда.

Они невероятно напряглись. Выше им было не подняться.

И затем, как мираж в мираже, девушка с сопрано пошла выше, гораздо выше остальных. И оторвавшись далеко ото всех, она нашла слова.

-- Я порвал цепи, которые меня связывали, -- пела она. Ее голос был похож на луч солнца.

Фортепьяно и металлофон издавали звуки, похожие на рвущиеся цепи.

Хор поддерживал эту гармонию рвущихся цепей.

-- Я перестал быть клоуном, -- пел глубокий бас.

Трубы иронично засмеялись, а валторны сыграли фразу из "Доброго старого времени".

-- Это было мило с твоей стороны напомнить мне, что, если я посмотрю, то я найду себя, -- пропел баритон.

Сопрано быстро спело фразу из "Someday I`ll Find You"[1], весь хор ответил фразой из "These Foolish Things"[2], а фортепьяно -- "Among My Souvenirs"[3].

-- О, Сельма, Сельма, спасибо тебе, -- спели хором басы.

-- Сельма? -- повторила настоящая Сельма.

-- Ты. Это песня Большого Флойда, известного гения, посвященная тебе, -- ответил Хельхольц.

-- Мне? -- удивилась Сельма.

-- Тихо, -- одернул ее Хельхольц.

-- Я никогда, -- сопрано.

-- Никогда, никогда, никогда, никогда, никогда, никогда, никогда, никогда, -- повторил хор.

-- Не скажу, -- грохнул бас.

-- Прооо, -- сопрано.

--

Щааааааа

Примечания

1

Песня Ноэля Коварда, написна в 1930 г. Исполнялась Дорис Дей, Перри Комо.

2

Песня Эрика Машвитца и Джека Стречи, написана в 1936 г. Исполнялась Эллой Фицджеральд, Билли Холидеем, Френком Синатрой.

3

Песня Горацио Николса, написана в 1928 г. Исполнялась Кони Франсис, Френком Синатрой.